

УДК 94

ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич,

доктор культурологии, профессор кафедры философии,
экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В России XVIII века культивировалось значительное количество огородных и садовых культур. Распространение огородничества и садоводства в социальном отношении шло сверху вниз: от города – к деревне, от помещика – к крестьянину.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: огород, сад, город, деревня, крестьяне, помещики.

SHIPILOV A.V.,

Dr. Culturology, Professor of the Department of Philosophy, Economics,
Social and Humanitarian Disciplines,
Voronezh State Pedagogical University

HORTICULTURE AND GARDENING IN RUSSIA IN THE XVIII CENTURY

ABSTRACT. In the XVIII century in Russia was cultivated a significant amount horticultural and garden crops. Dissemination of horticulture and gardening was socially going top to bottom: from the city – to the village, from the landlord – to the peasant.

KEY WORDS: vegetable patch, garden, town, village, peasants, landowners.

В России XVIII в. полевое хозяйство по целому ряду причин не гарантировало крестьянину-земледельцу ни достатка, ни даже простого выживания, поэтому наряду с зерновым полеводством он практиковал огородничество и садоводство. Овощеводство играло вспомогательную роль в крестьянском хозяйстве: выращивание огородных культур требовало довольно интенсивных методов (тщательной обработки земли, внесения удобрений, прополки, полива, борьбы с вредителями и т.п.), у крестьянина же, занятого в поле весь сельскохозяйственный год, на это не оставалось времени. Площади под огородными культурами были сравнительно небольшими: огород мог состоять всего из нескольких грядок и в любом случае не занимал более четверти десятины. Однако и совсем без огорода обойтись было нельзя: употребление в пищу только зерновых и зернобобовых культур не обеспечивает поступления всех необходимых витаминов, ферментов и микроэлементов, поэтому хоть сколько-то овощей выращивать было необходимо.

Ведущими огородными культурами России были репа и капуста. Репу выращивали повсеместно, но если на Северо-Западе и во многих районах нечерноземной зоны она была полевой культурой, то в остальных местах репу сеяли на огородах. Репа, дававшая урожай по 50 четвертей (64 ц) с десятины и выше, была культурой, страховавшей крестьянина на случай неурожая зерновых – «вторым хлебом» [1, с. 52].

Важнейшей из собственно огородных культур являлась капуста. Она начала вводиться в культуру еще в неолите, в результате чего в бронзовом веке уже культивировались различные разновидности огородной капусты. Листовая капуста по древности превосходит кочанную, однако и последняя возделывается в Средиземноморье и Южной Европе уже более 4 тыс. лет. В Центральной и Северной Европе капуста появилась в конце бронзового – начале железного веков. На нашу территорию культура белокочанной капусты была принесена греками-колонистами в сер. I тыс. до н.э.; на Руси она известна с XI века. Правда, даже в XVIII–XIX вв. белокочанная капуста не вытеснила с крестьянских огородов листовую («серую») капусту; в то же время еще в XVII в. в Россию из Западной Европы была завезена краснокочанная капуста (в России ее называли «черной»), а также капуста цветная, правда, широкого распространения они не получили. Листовую же и белокочанную капусту выращивали практически повсеместно, за исключением самых северных районов, а больше всего – в Северо-Западном и Центральном районах [2, с. 193].

Почти столь же распространенным огородным растением была морковь. Этот корнеплод был введен в культуру во II–I тыс. до н.э. в Средиземноморье, однако долгое время использовался как лекарственное растение (в пищу шли не корни, а листья). В Европе широкое распространение моркови относится к XIV в., однако до XVI в. она оставалась редким деликатесным продуктом; в пищу по-прежнему использовали не только корнеплод, содержащий до 12% сахаров, но и зелень.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2014/310 (код проекта 856).

На Руси, по некоторым данным, морковь была известна еще в домонгольский период; по другим данным, морковь появляется у нас в XV в., широко распространяется в XVI–XVII вв., так что к началу XVIII в. это была уже одна из самых распространенных овощных культур. Правда, тогдашняя морковь была желтой и малосочной; современная красно-оранжевая морковь была выведена во Франции в начале XIX в. Этот двулетник сеяли как весной, так и поздней осенью (в октябре), под снег; урожаем получали, соответственно, в конце лета или на следующий год [3, с. 184].

Из других корнеплодов выращивали редьку и в меньших масштабах брюкву. В культуре редька известна с III тыс. до н.э. (введена в культуру была приблизительно одновременно в Египте и Китае). Когда редьку начали культивировать в России, точно неизвестно, но к началу московского периода эта культура уже была широко распространена (позже, в XVII в., стали выращивать и выведенный на основе селекции редьки редис). Брюкву в России начали выращивать в это же время; эта североамериканская по своему происхождению культура имела наибольшее распространение в северной части Нечерноземья, но встречалась и южнее, например, в районе Рязани [4, с. 83–84].

Не меньшее, а, пожалуй, даже большее распространение по сравнению с редькой и брюквой имела свекла. В культуру была введена сначала листовая свекла (мангольд), что произошло в Средиземноморье в первые века I тыс. до н.э., а в последние века этого тысячелетия там же была выведена и корнеплодная (столовая) свекла. Листовая свекла использовалась для медицинских целей, а также шла в пищу, столовая тоже шла в пищу; примерно с XII в. началось выведение и кормовых форм (в XVIII в. кормовая свекла уже широко выращивалась в Европе в качестве сочного корма для крупного рогатого скота). На Русь свекла проникла из Византии в X–XI вв., причем как листовая, так и столовая: первая называлась «блитва» (от названия лебеды – «блитон»: листья лебеды также использовали в пищу), от чего произошли русские «ботва» и «ботвинья», а вторая так и именовалась «свеклой» (от близких по звучанию позднегреческих и византийских слов, обозначающих корнеплодную свеклу). В домонгольский и удельный период свекла широко распространилась, так что к XVI в. стала обычным огородным овощем; некоторые виды свеклы уже в это время использовались в качестве корма для скота. В XVIII в. столовая свекла (как красная, так и белая) была распространена практически повсеместно, за исключением самых северных районов. Особенно широко возделывали свеклу (или «бурак», как в это время стали ее называть) на Украине, чуть меньше в Южной и Центральной России (здесь свекла стояла на третьем-четвертом месте среди огородных культур), выращивали ее и на Урале, и в Ингерманландии. Не забывали в это время и о листовой свекле, которая шла в пищу как людям, так и скоту; впрочем, на корм животным шли и некоторые сорта корнеплодной свеклы [5, с. 457–477].

То же самое можно сказать и об огурцах. Родиной посевного огурца является Северная Индия, где его возделывали еще в III тыс. до н.э.; настоящей же родиной огурца стали тропические районы Китая, Индии, Бирмы (Мьянмы) и Индонезии. Знали огурец древние египтяне и греки; от греков же в начале киевского периода эта культура была перенесена на Русь (огуречные семечки найдены в

Новгороде в слое X в.). Позднее к византийским разновидностям огурца у нас добавились переднеазиатские и балканские, еще позднее – западноевропейские. В Новгороде и Москве в слоях XIII в. найдены семечки огурцов, в XV в. появляются и письменные упоминания о выращивании огурцов. Так или иначе, к XVI в. эта овощная культура была уже широко распространена – огурцы шли в пищу как в свежем, так и в консервированном виде. В XVIII в. огурцы выращивали практически по всей России (за исключением самых северных областей); там, где не удавалось получить урожай в открытом грунте, заводили парники. Огурцы были принадлежностью крестьянских огородов от Петербурга до Оренбурга, однако в XVIII в. все большее значение приобретало городское, посадское товарное овощеводство, специализировавшееся не в последнюю очередь именно на огурцах. Наиболее известными огуречными центрами этого времени становятся подмосковный Дмитров, Владимир, Ростов и особенно Муром, где огурцы стали настоящей монокультурой (муромские огородники выращивали огурцы не только на еду, но и на семена, которые они продавали пудами) [6, с. 258–260; 7, с. 213].

Также повсеместное распространение имели луковичные культуры – лук и чеснок. Названия лука и чеснока являются общеславянскими, что говорит о древности их культивации в России (в источниках они известны с домонгольского периода). Из луков наибольшее распространение имел лук репчатый. Этот овощ, введенный в культуру в Центральной Азии в IV–III тыс. до н.э. и получивший большое распространение в Древнем Египте, Греции и Риме, стал известен на Руси уже в X веке; в XVIII в. он входил в число общераспространенных, своего рода «обязательных» огородных культур по всей России. Другие виды лука, в частности шнитт-лук и лук-батун, появились в России позже и возделывались в значительно меньших масштабах. По распространенности с репчатым луком соперничал чеснок: в культуру он был введен там же и тогда же, что и лук, и распространялся затем в тех же самых странах. На Руси чеснок известен по источникам с XIII в.; его культивировали повсеместно ввиду большой пищевой и лечебной ценности. Лук на большей части территории России выращивали как двулетнее растение, получая на первый год из посеянных семян мелкие луковички (севок), которые на следующий год высаживались в почву (иногда лук сажали и под зиму). Чеснок также размножали вегетативно, сажались дольки луковицы – зубки. К середине XVIII в. лук и чеснок в Центральном районе страны становятся товарными культурами, на выращивании которых специализируются посадочные люди. Так, товарный лук и чеснок культивировали в Дмитрове, Боровске, Романове и др. городах, при этом торговали ими не только на внутригородских рынках, но и везли в другие города и даже в уезд, так что крестьяне покупали овощи у горожан. (За один февраль 1694 г. в Москву было привезено 306 возов лука, причем 247 из них пришли из Вереи, где тогда насчитывалось всего 144 посадских двора; за январь 1739 г. крестьяне привезли в Москву 179 возов лука, из них 140 возов – из Верейского уезда; в 1740 г. в Москву было доставлено 40 возов чеснока из Ростова; интересно, что в Ростове еще в начале XVIII в. выращивалось столько лука и чеснока, что побывавший здесь в 1702 г. Корнелий де Бруин писал, что «большая

часть народонаселения питается здесь чесноком и луком») [8, с. 132, 141; 9, с. 47].

Некоторое место в огородничестве занимали десертные культуры. Из бахчевых в первой половине XVIII в. относительно широкое распространение в России уже получили арбуз и дыня. Как и виноград, они начали культивироваться в XVI–XVII вв. в дворцовом хозяйстве, а в новое время вышли на более широкие пространства городских и даже сельских приусадебных участков. (Своего рода предшественницей дыни и винограда в России было их первичное распространение в конце I тыс. н.э. в Подонье и Поволжье в пределах Хазарского каганата и в непродолжительный русский период XI – начала XII вв., связанный с Тмутараканским княжеством в районе нынешней Тамани). Арбуз, дикорастущие формы которого встречаются в Южной Африке, был введен в культуру во II тыс. до н.э. в Индии, широко распространялся в Древнем Египте, а с начала новой эры его стали культивировать римляне. В Западной Европе арбуз начали выращивать в средневековье, однако на территорию России он попал, скорее всего, не из Европы, а из Средней Азии, что произошло приблизительно к началу XVI в. С середины XVII в. арбузы стали выращивать в низовьях Волги, откуда эта культура проникла на Северный Кавказ и в южную часть черноземной полосы; спустя век арбуз был еще редким лакомством (выращивали его близ Воронежа, в Павловске и Землянке), более-менее постоянно появлявшимся на столах только при дворе и во дворцах вельмож. Так, в 1740 г. один московский купец привез в старую столицу 420 арбузов из Воронежа; на месте он купил их по 2 руб. за сотню, продавал же по 5 руб. за сотню, т.е. по 5 коп. штука, а пуд ржи продавался здесь в это время по 8–9 коп., т.е. за один арбуз надо было выложить столько же, сколько за хлеб, которого хватало бы на 10–12 дней (5 копеек в то время по официальным расценкам платили поденщику за день работы).

Похожей была судьба дыни: введенная в культуру на Среднем Востоке еще до новой эры, она проникла на запад, в Малую Азию и Египет, и на восток, в Китай. В Европе ее стали выращивать в средние века, в Россию же эта культура была завезена из Средней Азии в московское время. С XVI века, когда низовья Волги оказались в руках московских царей, дыню здесь стали культивировать довольно широко. В XVI–XVII вв. дыни выращивали и в подмосковных дворцовых парниках (правда, сюда эта культура попала, по всей видимости, из Англии); в 1674 г. дыню в Москве можно было купить по цене от 1 до 4 алтын – столько стоил гусь или пара поросят. В XVIII в. ареал распространения дыни в России несколько расширился, однако она по-прежнему оставалась деликатесом.

Наконец, виноград, встречавшийся в дикорастущем виде в российских пределах в районе Терека, в XVII в. культивировался в Астрахани (вместе с арбузами и дынями астраханский виноград шел на царский стол; также в Астрахани делали и виноградное вино – уже в 1658 г. к двору было прислано 1206 ведер), откуда эта культура поднялась вверх по Волге до Симбирска, была перенесена в Киев, Тамбов и некоторые другие места (в московских дворцовых садах виноград выращивали вместе с арбузами). Находившийся в Астрахани в 1703 г. Корнелий де Бруин писал: «Виноградники свои русские растят до высоты человека, затем подрезывают их так, чтобы выше они уже не росли, и

привязывают их к жердям. Виноградные ягоды на этих кустах были черные или темно-синие и довольно мясистые, крупные, как это говорили мне, потому что я был там в такое время, когда ягод этих на дереве видеть сам не мог. Виноград, произрастающий в частных садах у армян и других жителей, собирается и продается большею частью на торгу; но вино выделяется из того винограда, который растет в садах или в упомянутых выше виноградниках, исключительно принадлежащих царю, который получает от этого значительный доход. Вина эти красные и на вкус довольно приятные» [10, с. 169]. Интродукция винограда происходила благодаря царским указам, так что в XVIII в. Петр I, издававший указы об оживлении астраханского виноградарства и введении этой культуры на Дону, продолжил дело своего отца и деда, а при его дочери Елизавете Петровне виноград в районе Киева сажали гарнизонные солдаты; дворец продолжал «нести культуру в массы» – культуру винограда в данном случае. Правда, и в новое время распространенность этой культуры в России оставалась желать лучшего. Только в Астрахани, где климатические условия более-менее благоприятствовали виноградарству, последнее достигло определенного уровня развития. В 1707 г. здесь было уже 8 садов с 22 914 виноградными кустами; к 1764 г. площадь казенных садов достигла 60 га, число виноградных кустов на 1758 г. составляло 105 тыс., валовой сбор в 1752 г. достигал 170 т. Садовая контора продавала вина по 6–7 тыс. ведер в год [11, с. 623; 12, с. 259].

Также небольшое место в огородничестве занимали зеленные культуры, такие как щавель и завезенные в Россию в XVII в. салат и спаржа (последние были распространены большей частью в городах). Из пряных и вкусовых растений выращивали укроп (известен на Руси с X в.), анис, мяту (тоже известны с домонгольских времен), стручковый перец, хрен (с XVII в.; по другим сведениям – с XIV в.), базилик и некоторые другие. В некоторых уездах севера и центра страны культивировали хмель. Что касается таких растений (используемых в качестве приправ), как петрушка, сельдерей, кресс-салат, пастернак, портулак, шпинат, тмин, то их более-менее широкое распространение в XVIII – первой половине XIX вв. только начиналось. То же следует сказать и о таких культурах, как красный перец, тыква (хотя некоторые виды тыквы были известны еще в домонгольское время), баклажан, кабачок, патиссон, лук-порей, фасоль, картофель, томат, капуста савойская и кольраби, артишок – время, когда они получили права гражданства в российском овощеводстве и вообще огородничестве, было еще впереди. В XVIII в. овощеводство в России еще в основном сохраняло традиционный набор культур, процессы интродукции шли слабо, городское товарное овощеводство и высокая культура парниково-оранжерейного хозяйства помещичьих усадеб находились еще в стадии формирования.

Что касается садоводства, то Россия эпохи Нового времени получила в наследство от московского и более ранних периодов довольно ограниченное количество садовых культур. Это яблоня, вишня, слива, груша (на юге страны, т.е. на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье, еще абрикос и черешня), а из кустарников – малина, смородина и крыжовник. Яблоня, вишня и слива в своих культурных формах выращивались еще в домонгольский период (при

этом яблоня и вишня были более распространены, чем слива).

Введение яблони в культуру началось в III тыс. до н.э. на Кавказе и в Средней Азии; в Европу домашняя яблоня была завезена в античности с Ближнего Востока. На Руси первые археологические свидетельства о выращивании яблонь относятся к X в., а первые письменные свидетельства о разведении яблоневых садов – к XI в.; в удельный период яблоня стала самым распространенным фруктовым деревом Руси – ее выращивали повсеместно, за исключением самых северных районов (дело в том, что и в средней полосе в суровую зиму яблоня может вымерзнуть). В первой половине XVIII в. яблоневые сады были особенно распространены в междуречье Оки и Волги, а также южнее, в поволжских городах и в Черноземье; количество сортов яблок уже исчислялось сотнями.

Особенно славился налив, восторженные отзывы о котором оставили многие западноевропейцы, посетившие Россию в XVII – первой половине XVIII вв. Вот только некоторые из них.

Адам Олеарий, член голштинского посольства (1633–1634 гг.): *«Между другими сортами яблок у них имеется и такой, в котором мякоть так нежна и бела, что если ее держать против солнца, то можно видеть зернышки»* [13, с. 76].

Иоганн Георг Корб, секретарь австрийского посольства 1697 г.: *«В Московии растут также прекрасные прозрачные яблоки, которым могут даже позавидовать более теплые страны; москвитяне называют эти яблоки наливными»* [14, с. 232].

Корнелий де Бруин, голландский путешественник, посетивший Россию в первые годы XVIII в.: *«Яблоки там разного рода, хороши, красивые на вид, кислые, равно как и сладкие, вкусны, и я видел такие прозрачные, что насквозь были видны семечки»* [10, с. 75].

Фридрих-Христиан Вебер, брауншвейг-люнебургский посланник, живший в Санкт-Петербурге в 1714–1719 гг.: *«Из Москвы же доставляют превосходнейшие садовые плоды и фрукты, среди которых особенно так называемый налив, или прозрачное яблоко, которое часто весит лотов 20 и настолько прозрачно, что в нем видны семечки, а по вкусу оно ничуть не уступит борсдорфскому яблоку»* [15, с. 120].

Элизабет Джастис, гувернантка английского купца Хилла Эванса, жившая в Петербурге в 1734–1737 гг.: *«Но есть яблоко, называемое прозрачным. Спелое, оно такое прозрачное, что сквозь него видны семечки. По вкусу оно превосходит любые яблоки, какие я когда-либо пробовала в Англии»* [16, с. 102].

В Сибири, где обычная яблоня вымерзала, разводили яблоню сливолистную, дающую мелкие плоды, называемые ранетками или райскими яблочками; в то же время по всей европейской территории России в лесах в изобилии росла дикая лесная яблоня, плоды которой также шли в пищу.

Вишня была столь же распространена, как и яблоня: садовая вишня стала результатом гибридизации дикорастущей степной вишни и такой же дикорастущей черешни, в культуре она известна с середины I тыс. до н.э., на Руси же появилась уже в X в. вместе с яблоней. В XV в. вишневые сады были обычным явлением на всей территории Руси, включая Новгород; позже вишня продвинулась еще дальше на север вплоть до 60°. В XVIII в. ее выра-

щивали и в Вологде, и на юге Западной Сибири, однако больше всего вишневых садов было в средней полосе – так, во Владимире и Суздале к середине века вишня начала становиться товарной садовой культурой.

Слива, по сравнению с яблоней и вишней, была более редкой культурой. Слива – это природный гибрид терна и алычи, введенный в культуру на Кавказе в I тыс. до н.э., а в Европе известный с начала новой эры. На территории Руси слива появилась еще в домонгольское время (косточки сливы найдены в новгородском слое XI в.), однако широкого распространения не имела; товарной культурой в первой половине XVIII в. слива не была, выращивали же ее в основном в центре и на юге средней полосы. Груша по степени распространенности приближалась к сливе (правда, в отличие от сливы, дикорастущая груша нескольких видов встречается в лесах европейской России). Введенная в культуру в Передней Азии, груша уже в I тыс. до н.э. попала в Грецию, откуда распространилась по Средиземноморью и далее на север. Когда она появилась на Руси – сказать сложно, но в московский период груша уже не была редкостью в центре и на юге страны; в рассматриваемый период ее продолжали выращивать в садах нечерноземной зоны, а также в городах Черноземья.

Наконец, кустарники – черная и красная смородина, крыжовник и малина – были, по некоторым данным, известны на Руси уже в XI–XII вв., когда их выращивали в монастырских и княжеских садах; в более позднее время эти культуры стали принадлежностью садов простых горожан, сажали их и крестьяне.

Конкретных фактических данных о развитии садоводства в России первой половины XVIII в. у нас не очень много. В описаниях и на чертежах городских дворов сады встречаются довольно часто, при этом чем состоятельнее хозяин такого двора, тем больше у него сад (понятно, что садоводство это не товарное). Например, у касимовского царевича Ивана Васильевича в г. Касимове (1723 г.) был сад, *«в том саду яблонных дерев с яблоки 238, вишннику с ягоды на 10 сажен и более, смородины красной 2 гряды»*, еще *«на старом посаде сад ево царевичев десятин с 5, в нем яблонных 500 дерев с яблоки»* и еще *«в Касимове, в Пушкарской слободе сад, в нем вишннику с ягоды на 3 дес.»*. Нередки упоминания о садах, причем порой о довольно крупных, и в описях помещичьих имений (первой четверти XVIII в.); некоторые из этих описаний мы можем привести.

Так, у барона П.П. Шафирова в сельце Голыгине (Веневский уезд, 1723 г.) был *«сад 105 дерев, да молодова саду прививочных и сливнику и вишен на 3 дес.»*. У князя М.П. Гагарина в селе Сенницах (Зарайский уезд, 1721 г.) был *«сад, отгорожен от двора решеткою, а от улицы забором, и в оной сад с улицы ворота, в нем 8 деревьев кедровых, 600 дерев яблоневых, груши и сливы, и вишневые деревья; да позади того саду сад же новой, в нем яблоневых 80 дерев и вишневые деревья»*. У сенатора В.А. Апухтина в сельце Новом (Звенигородский уезд, 1715 г.) было *«два сада, один сад подле двора, в том де саду яблоней и дулей 430 дерев, а в другом де саду, что у гумна, яблоней и дуль 580 дерев»*. У секретаря Монастырского приказа М.С. Беляева в селе Четрякове (Коломенский уезд, 1723 г.) был *«сад с яблонями на 2 дес., огорожен*

плетнем». У уже упоминавшегося касимовского царевича в селе Волынском (Московский уезд) имелся «сад, яблонных дерев 133 дерева, а грушевых дерев 33 дерева, вишен 30 дерев, да смородиннику цветник, да крыжевнику цветник». У обер-прокурора Г.Г. Скорнякова-Писарева в селе Трубецком (Тарусский уезд, 1723 г.) был «сад, а в саду яблоней старых 60, молодых 80 дерев, слив 300 дерев, вишеннику 300 ж дерев», а в селе Кишкине (Зарайский уезд, 1723 г.) – «вокруг белого двора по обе стороны саду на 2 дес.».

Все эти немалых размеров сады принадлежали помещикам, причем весьма состоятельным. Что же касается крестьянских садов, то данных о них гораздо меньше, причем трудно понять, то ли из-за их отсутствия, то ли из-за недостаточной подробности описей. Тем не менее такие данные есть. Так, у поручика И.В. Отяева в сельце Рассоховец (Кромский уезд, 1723 г.) было два сада, в которых насчитывалось 56 яблонь; в сельце было 15 крестьянских дворов, из этого количества в 7 дворах садов не было, в остальных имелось по несколько яблонь – 3, 4, 5, 7 (в двух дворах), 8, 12 и 70 (интересно, что последний двор уступал другим по количеству паш-

ни и скота). У обер-президента надворного суда В.Ф. Стремоухова в с. Шеблыкино с деревнями (Кромский уезд, 1723 г.) был «сад по смете яблоней, груш и слив на десятину, вишен на полдесятины»; в этом селе из 42-х крестьянских хозяйств сады были только в 7-ми: по 6 (3 хозяйства), 7, 8, 10 и 30 деревьев; в деревне Ноздрачево из 12-ти хозяйств сады были в 3-х: по 8 (два хозяйства) и 15 деревьев; в деревне Савостино из 6-ти хозяйств сады были в 2-х: по 11 и 20 деревьев; в деревне Гречихино все 5 хозяйств садов не имели [17, с. 43, 93–104, 135–136, 145, 157, 201].

Таким образом, из 65-ти хозяйств сады имели только 12, причем в садах этих, в отличие от помещичьих, росли лишь яблони. Конечно, делать на основании столь скромного материала какие-то статистические выводы мы не можем, но, кажется очевидным, что в крестьянских хозяйствах сады встречались гораздо реже, чем у помещиков и состоятельных горожан, и, по-видимому, распространение культуры садоводства в социальном плане шло сверху вниз: от города – к деревне, от помещика – к крестьянину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. – М. : Наука, 1993. – Т. 3. – 664 с.
2. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. – Л. : Наука, 1972. – 342 с.
3. Синская, Е.Н. Историческая география культурной флоры [Текст] / Е.Н. Синская. – Л. : Колос, 1969. – 478 с.
4. Очерки русской культуры XVI века. – М. : МГУ, 1977. – Ч. 1. – 288 с.
5. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 522 с.
6. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 574 с.
7. Кочин, Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства [Текст] / Г.Е. Кочин. – М.-Л. : Наука, 1960. – 469 с.
8. Сакович, С.И. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. [Текст] / С.И. Сакович // Исторические записки. – 1946. – Вып. 20.
9. Кушева, Е.Н. Торговля Москвы в 30–40-х годах XVIII в. [Текст] / Е.Н. Кушева // Исторические записки. – 1947. – Вып. 23.
10. Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л. : Лениздат, 1989. – 544 с.
11. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. II. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 748 с.
12. Кафенгауз, Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века [Текст] / Б.Б. Кафенгауз. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 354 с.
13. Рябцев, Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI–XVII вв. [Текст] / Ю.С. Рябцев. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 560 с.
14. Рождение империи. – М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. – 544 с.
15. Беспярых, Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях [Текст] / Ю.Н. Беспярых. – Л. : Наука, 1991. – 280 с.
16. Беспярых, Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях [Текст] / Ю.Н. Беспярых. – СПб. : БЛИЦ, 1997. – 496 с.
17. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 418 с.